

Ленинградская правда, 1963, 17 сев.

КОГДА В ТЕАТРЕ СКУЧНО...

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ

«...О, скука зрительного зала! Это больше, чем неучтивость, — это общественное преступление»,
Алексей ТОЛСТОЙ

В ПРОШЕДШИЕ, но не такие уж давние времена немаловажное обстоятельство «скуки в театре» вообще не принималось в расчет. Ходили по подмосткам размеренные, точно дозированные «положительные» герои и лениво спорили с «не менее положительными». Возникали и исчезали, как дым, на афишах прославленных столичных театров различные названия, где на смерть стояло «хоршее», отчаянно борясь с «еще лучшим». О многообразии жанров говорилось и писалось много. «Жанров» действительно было немало.

Родился, вырос и утвердился жанр «производственной пьесы», где не было видно людей за мельканием шайб, гаек, маховиков. Просмотрев такой спектакль, вы могли получить исчерпывающую информацию о всех имеющихся системах крепления деталей в токарном станке.

Был жанр «военной пьесы». Здесь дело обстоит сложнее. Конфликт был. Били врага. Били с легкостью, не задумываясь. Людей здесь тоже не было. Была безликая масса. Изредка в такого рода пьесах кто-то из них прорывался на авансцену и, бодро прокричав что-то приличествующее моменту, получал одобрение или награду из рук «всевидающего и вседущего».

А за стенами театров кипела живая жизнь — многоликая, бесконечная, изменчивая. Жизнь трудная и радостная, счастливая и несчастная.

Страна только что вышла победительницей из невиданной в истории войны. Зарастила зеленые могилы погибших, и невесты их, ставшие вдовами, брали из детских домов сирот и растили чужих детей, как своих. Шли годы, полные лишений и великих усилий народа. Вставали из руин ставшие легендарными города. Вся планета с восхищением взирала на русского воина, мечом народной битвы поразившего паука лапы фашистской свастик. Спасенное от коричневой чумы человечество с благодарностью и доверием прижимало еще не высохшее от слез лицо к превратившейся в мрамор и гранит грубой шинели советского солдата.

Но ничего этого не видел зритель в театре. Там была своя, выдуманная условная жизнь, разительно непохожая на то, что делалось вокруг. Было бы несправедливым говорить, что все театральное искусство шло только по этому пути. Появлялись кровью сердца написанные пьесы, яркие, своеобразные спектакли. Навсегда вошла в золотой фонд советской драматургии и, пожалуй, русской классической литературы трилогия Н. Погодина о Ленине («Человек с ружьем», «Кремлевские кураны», «Третья патетическая»). До сих пор пленяет зрителей задушевностью и мягким лиризмом «Машенька» А. Афиногенова.

По-новому воспринимаются сегодня пьесы А. Крона «Глубокая разведка» и «Офицер флота» о простых советских людях, которые вопреки теневым сторонам нашей жизни создавали основу экономического могущества страны и вынесли на своих плечах все тяготы и беды войны с фашизмом.

Кто из людей моего поколения не считал своим личным другом «Парня из нашего города» К. Симонова и не помнит той меры художественного потрясения, которое мы переживали в суровые годы Великой Отечественной войны, увидев на сцене «Нашествие» Л. Леонова и «Русские люди» К. Симонова! Здоровые силы советского театра вопреки догматизму тех времен создавали произведения подлинного искусства. Подобно тому, как культ личности не в силах был изменить самой глубокой сущности советского строя, так не смог он изменить здоровую природу искусства социалистического реализма.

Но к началу пятидесятих годов образовались как бы два параллельных «измерения», в которых, не соприкасаясь друг с другом, существовали жизни подлинная — многообразная, захватывающе интересная, наполненная героическим трудом народа, и жизнь театральная — постыдная, медленно плывущая по зыбучим волнам бесконфликтности.

И тогда зритель сделал единственно разумный вывод. Он просто перестал ходить в театр. Театральные залы пустели. Сборы падали. Но и это же особенно волновало тех, кто тогда руководил искусством. Театры получали солидные денежные средства, не зависели от зритель материально и продолжали «воспитывать» кресла в полупустых залах.

К счастью, все это безвозвратно ушло в прошлое. Советские театры в наши дни ищут, экспериментируют, в конечном итоге, борются за зрителя. И не только потому, что в корне изменилась система финансирования театров и уже не выбрасываются на ветер народные деньги для поддержания мнимых авторитетов в театральном искусстве. А потому, что наконец стало ясно, что, хотя театр, конечно, учреждение в первую очередь художественно-воспитательное, он в то же время учреждение и эрзацное. Зрителю в театре должно быть интересно. Тогда он приходит в театр и имеет возможность, захватывая судьбами героев, заинтересованный происходящим на сцене, через волнующие образы узнаваемые жизненные ситуации воспринимать идейно-воспитательные намерения драматурга, режиссера, актеров.

Если же зритель в театр не ходит, то все самые благие намерения и высокие задачи художников театра

остаются достоянием их самих и близких к ним околотеатральных кругов. «Воспитательные» задачи театра сами собой снимаются пустым зрительным залом. И хотя ушли в прошлое те времена, когда такой немаловажный фактор, как «заполненность зрительного зала», не принимался или почти не принимался в расчет, есть еще у нас и сегодня полупустые залы, и скучноватые, а иной раз и просто неинтересные спектакли.

НЕДАВНО Комитет по Ленинским премиям в области искусства и литературы принял глубоко справедливое и мудрое решение. Теперь представлять к Ленинским премиям можно только те спектакли, фильмы, живописные полотна, скульптуры, книги, музыкальные произведения, которые прошли хотя бы небольшую проверку временем, успех которых, несомненно, определился. Комитет обсуждает произведения, завоевавшие признание народа, а не только знатоков, обладающих самой высокой квалификацией и эрудицией.

И вот я вижу, как снисходительно ухмыляется читающий эти строки «знаток театра»: «Какая дешевая демагогия... Значит, назад к коммерческому театру! Зритель — мера всего. Успех определяет все. Но ведь зритель у нас разный!...» Зритель у нас действительно разный, и успех успеху рознь. Да, есть еще зритель, предпочитающий «легкие» спектакли. Он отворачивается от всего, что заставляет глубоко задуматься, делать обобщающие жизненные выводы. Спектакли делятся для такого зрителя на «тяжелые» и «книжные себе». На «тяжелую вещь» не ходят, «книжные себе» смотрят, чтобы забыть через несколько минут все вплоть до названия. Эта часть публики предпочитает стулья в буфете креслам в партере.

Известный тезис о том, что театр не вправе потакать дурновкусию, плестись в хвосте у отсталой части зрителей, а должен, активно защищая свои гражданские и художественные позиции, вести за собой зал, в наше время не требует доказательств.

Но жизнь, как всегда, и в этом случае оказывается сложнее и неожиданнее прямолинейных формул и тезисов.

ВОЗЬМЕМ спектакль... Не будем называть ни пьесы, ни театра, где она идет, так как интересующий нас вопрос значительно глубже и шире, чем судьба какого-то конкретного спектакля, афиша какого-то определенного театра. Тем более, что такого рода случаи далеко не единичны. Они возможны в любом театре.

Постановку пьесы ждали с нетерпением. Шел слух: «Получается!» Еще бы — такой драматург! Такой режиссер! А художник?! О композиторе и говорить нечего! Спектакль готовился долго. Это должно было быть подлинное произведение искусства, а не «рядовая», «проходная» постановка. И, наконец, состоялась премьера. Общественный просмотр прошел великолепно. Критика оценила спектакль как большую творческую победу коллектива. Отмечались, правда, отдельные недостатки спектакля, но ведь «нет предела совершенству». В общем все было довольно. Все, кроме тех, для кого предназначался спектакль. Кроме зрителей.

Беспроволочный «зрительский телеграф» (о существовании которого хорошо знают работники театра) за кратчайший срок создал спектаклю неважную репутацию вопреки авторитетным суждениям театральных обозревателей.

Прошло еще немного времени, и название спектакля все реже и реже стало появляться в афише. Причина более чем простая: не ходят.

Что же произошло? Почему зритель не принял спектакль? Почему остался равнодушным ко всем злоключениям героев, без волнения взирал на мучения героини, не оценил масштабов философской мысли автора?

На эти вопросы отвечают по-разному. Одни говорят: зритель еще не подготовлен. Он не дорос до подлинно высоких произведений театрального искусства, не в силах оценить сложность и своеобразие мысли, оригинальный замысел и гражданский пафос создателей спектакля. Но тогда почему и в этом, и в соседних театрах посещаются и пользуются признанием зрители спектакли не менее, а может быть, и более сложные и по замыслу, и по воплощению? А другие смело смотрят в лицо суровой, неприятной правде и с полной откровенностью говорят: да, возможно, спектакль и неплох с точки зрения формальной. В нем, вероятно, есть профессиональные, изобразительные удаchi и находки, но в целом он не стал явлением общественным, не вызвал в зале художественного резонанса, не нашел путей к сердцам и умам зрителей и, очевидно, неполноценен в чем-то самом главном, что делает искусство подлинным. В нем, очевидно, не слились до конца гражданское и человеческое, мысль и чувство, содержание и форма.

Такой взгляд тем более справедлив, что он оставляет возможности дальнейших поисков и находок нужных результатов в будущем, а первый порождает лишь высокомерное пренебрежение к «недорослей толпе», упрямое повторение совершенных ошибок, убивает художника в художнике.

Нет! Зритель у нас, конечно, раз-

ный — тут спору нет. Но никогда, ни при каких обстоятельствах не примет он за плохое то, чего с нетерпением ждот от театра; он жаждет увидеть всей душой то, что задевает его гражданские чувства, волнует и увлекает глубинной мыслью, отвешает трепетным вопросам сегоднешнего дня, восхищает точно выражающей содержание, хотя бы и самой изощренной формой. Нет! Зритель никогда не примет хорошее за плохое.

В ТЕАТРАХ нашего города немало постановок, завоевавших широкое признание зрителей. Современные спектакли — «Все остается людям» С. Алешина, «Друзья и годы» Л. Зорина, «Океан» А. Штейна — выдержали проверку временем. Общеизвестен устойчивый многолетний успех «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. Из сезона в сезон привлекали зрителей лучшие спектакли по пьесам русской классической драматургии — «Живой труп» Л. Толстого, «Варвары» М. Горького, инсценировка «Игрока» Ф. Достоевского. Пользуются признанием прогрессивные произведения зарубежных драматургов — «Лиса и виноград» (Эзоп) Г. Фигейредо, «Смерть коммивояжера» А. Миллера.

Все это живет уже не один год, вызывая интерес публики прежде всего глубиной содержания, заложенного драматургами, остротой разнообразных режиссерских и пластических решений, яркостью, творческими удачами любимых актеров, своеобразием сценических форм. И не нужно никаких усилий театральных администраторов, чтобы «завлечь» кого-то в зал. В те вечера, когда в афишах — названия спектаклей, списавших доверие и интерес зрителей, в сверкающих огнями партерах и ложах царят приподнятое настроение, оживленный говор, смех, атмосфера настоящего праздника. И долго, взволнованно благодарит публика актеров и создателей спектакля, не расходясь до тех пор, пока не погаснут люстры и капельдинеры не покроют чехлами кресла.

Но на сценах этих же театров не раз ставились произведения, где, на первый взгляд, не было ничего такого, что вызвало бы активный протест. Однако, просуществовав в свете рампы совсем недолго, они умирали безвозвратно, как мотыльки-однодневки, не оставив хотя бы какого-нибудь следа о себе.

Таких спектаклей на моей памяти было немало — «Испытание» П. Белобородова, «Трасса» И. Дворецкого, «Вот я иду!» Г. Березко, «Цветы живые» Н. Погодина, «Дали неоглядные» Н. Вирты и многих других.

СВОЕОБРАЗИЕ сценического искусства таково, что театральные представления существуют только в пространстве и не существуют во времени.

Театр — искусство самое живое, самое современное, самое быстроменяющееся из всех видов искусств. Театр работает для людей своего времени, каждый вечер наполняя зрительные залы. Он не имеет права не стремиться к завоеванию признания современников. Он должен быть интересен. Вот почему призыв партии к художникам всех профессий служить своим искусством народу имеет особый смысл для нас — работников театра.

Недавняя встреча руководителей партии и правительства во главе с Н. С. Хрущевым с представителями художественной интеллигенции имеет колоссальное значение для судьбы советского искусства. С новой силой были подтверждены неизменные принципы развития нашего искусства: реализм, партийность, служение народу.

Необходимо с полной мерой принципиальности, высокой художественной требовательности и (хотел написать — беспристрастности и понял, что это бессмыслица) пристрастности, во имя успеха общего дела, не выносить торопливых оценок, серьезно разбираться в причинах успеха или неуспеха тех или иных спектаклей, глубоко анализировать эти причины.

Тогда, может быть, станет ясным, почему, иногда скучает в залах наш зритель — тот самый народ, которому призывает нас служить партия.

Р. АГАМИРЗЯН,
режиссер Большого драматического театра имени М. Горького